

and unauthentic ones, defining information transfer activities used in English for Academic Purposes as a different 3d type. Unauthentic activities are the ones which required to bridge "knowledge gaps" in a way different from a real communication (back to back exercises, jigsaw milling, human ordering on cards). These games are very valuable at lower levels. Authentic activities come closer to real life communication as there is no contrived blockage to the communicative process - discussions, surveys. The examples of the 3d type of activities can be found in EAP course books. Most of them are threefold listening tasks. They may not seem communicative as there is no student to student interaction, but for more advanced students the sense of gain comes from the degree of interest of the materials used in the classroom. Thus, the students can not only have an opportunity of practising the target language, but also learn something in addition to just learning. Otherwise, students' needs and expectations might well not be met. As the students' proficiency increases, there should be a tendency to phase out unauthentic activities and to phase in more authentic ones. This insures that learners focus on and learn what is immediate to their needs and communicative purposes, involving them as people, not just as language students. Which seems to be the most important factor of motivation that helps to gain the target.

The authors of the above mentioned Flexible Learning Project emphasized its clearly developmental character, but the attempts to find the best way of teaching without teacher's domination are being constantly made. "Communicating without the course book" project was designed by teachers at the British Council in Naples. The courses begin at lower-intermediate level. They do not use any course book and finding material and tasks as well as the ways of assessment are the problems exploited linguistically. The students have a range of non-material-based project work, such as interviewing people in the streets or planning a reorganization of the city transport system. When material is needed they use educational publications as well as "realia" in the shape of magazines, newspapers etc. Focusing on errors can also be a source of language input. There is no limit to the extent of practice that can be generated in such activities. And the most important point is that language work emerges naturally and is generated by the group itself rather than is contrived or predetermined. This insures that learners focus on and learn what is immediate to their needs and communicative purposes, involving them as people, not just language students. Which is the most important factor of motivation that helps to gain the target.

Communication method is considered to be efficient not only for solving purely methodological problems. It is viewed as the most efficient way of creating the general encouraging atmosphere, which is so important in the classroom where young people are educated and brought up. This method has been used for solving problems within "peer education" framework internationally well-known within AIDS education. Thus, communication method developed on the basis of the latest educational and behavioral theories (social-learning theory, theory of reasoned actions, theory of diffusion of innovations) can help solve numerous problems in the modern society.

Reference books

1. Grenfell M. Flexible learning: the teacher's friend? – *Modern English Teacher*. – 1994. – Volume 3 #4 October. – P.7–13.
2. Sehlstrom P. Experimenting with student-generated materials. – *MET*. – 1994. – V.3#4 October. – P.31–37.
3. Bress P. Which activities for which students? – *MET*. – 1994. V.3.#2 April. – P.41–43.
4. Dummet P. Simulation and realistic tasks. – *MET*. – 1994. – V.3 #1 January. – P.41–44.
5. Fitzpatrick F. Communicating without the course book. – 1995. - V.4 #1 January. – P.7–11.
6. Бим И.Л. Личностно-ориентированный подход – основная стратегия обновления школы. – *Иностранные языки в школе*. – 2001. – №2. – С. 58–60.
7. Бердичевский Л.Н. Языковая политика и методика преподавания иностранных языков в странах Европы. – *Иностранные языки в школе*. – 2002. – №5. – С. 16–19.

Мищенко Н.В.

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ДИФТОНГОВ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Целью настоящего исследования является рассмотрение развития немецких дифтонгов в процессе эволюции начиная с древневерхненемецкого и заканчивая нововерхненемецким периодом.

В настоящее время проблема развивающихся языковых изменений, регистрируемых исследователями практически на всех уровнях языковой системы, привлекает внимание многих лингвистов. Изучение истории фонетического строя немецкого языка показывает, как постепенная эволюция языка привела, в конечном счете, к его современному состоянию. Это современное состояние, равно как и любой другой синхронный момент в истории языка, не является состоянием статическим. Напротив, движение в языке происходит непрерывно, поэтому все явления и факты истории языка взаимосвязаны.

Чтобы отчетливее была видна диахроническая обусловленность синхронических состояний, каждый из периодов развития немецкого языка рассматриваются, в данной статье, как самостоятельное целое. При этом фонетика предстает как развитие системы, а не изолированных явлений.

В истории немецкого языка выделяются следующие периоды: древневерхненемецкий (althochdeutsch) (VII–XI вв.), средневерхненемецкий (mittelhochdeutsch) (середина XI–XIV вв.) и нововерхненемецкий (neuhochdeutsch). Более точная периодизация учитывает также довольно продолжительный период образования новонемецкого литературного языка – ранненововерхненемецкий (середина XIV – середина XVII вв.) [1, с. 28].

Язык представляет продукт целого ряда эпох, на протяжении которых происходит развертывание и совершенствование всех его элементов.

Историческим изменениям подвержена также и природная материя языка – его фонетическая система [2, с. 161].

Древневерхненемецкий охватывает промежуток времени от начала письменных памятников на немецком языке (VIII в.) до конца XI в. Это период раннего феодализма, от которого сохранились памятники преимущественно клерикального содержания. Средневерхненемецкий (XII – XIII вв.) принадлежит периоду расцвета феодализма и рыцарской культуры, представленной на немецком языке многочисленными памятниками рыцарской поэзии. Ранний новеверхненемецкий (XIV в. – середина XVI в.) связан с началом разложения феодализма, ростом городов, развитием бюргерской культуры; в этот период заложены основы письменной нормы новонемецкого национального языка (реформация и деятельность Лютера) [1, с. 28]. Дальнейшее распространение и окончательное закрепление этой нормы относятся к новеверхненемецкому периоду (с конца XVI в.).

В языковом отношении древневерхненемецкий характеризуется относительным разнообразием полных окончаний, типичным для языка флективного строя. На протяжении древневерхненемецкого периода происходит постепенная редукция неударных гласных, связанная с растущей унификацией типов склонения и спряжения, падежных и личных окончаний. К началу средневерхненемецкого периода все безударные гласные редуцированы в *-e* (Murmellaut). Новеверхненемецкий отличается от средневерхненемецкого целым рядом существенных фонетических изменений, распространившихся в ранний новонемецкий период и определивших собою звуковую систему ново-верхненемецкого литературного языка [1, с. 28-29].

При исследовании внутренних закономерностей развития немецкого языка (и, в частности, его фонетического строя) в древний период необходимо иметь в виду, что именно в древний период на внутренние закономерности развития того или иного языка наиболее сильно влияет его близость к другим родственным языкам, его принадлежность к определенной родственной группе языков. Так, на развитии немецкого языка сказались его принадлежность к группе германских языков [2, с. 12]. С одной стороны, продолжали действовать унаследованные общие древние тенденции развития, а с другой стороны, здесь появились новые специфические черты, определяющие качественное своеобразие именно немецкого языка.

Древнегерманские языки разделяются на три основных группы: *восточную* (готскую), *северную* (скандинавскую) и *западную* [1, с. 29]. Западногерманская группа представлена в период раннего средневековья языками и наречиями древневерхненемецким (althochdeutsch), древнесаксонским (altsächsisch), англосаксонским (angelsächsisch), фризским (altfriesisch) и нижнефранкским (altniederfränkisch). Из них древневерхненемецкий послужил основой литературного немецкого языка, англосаксонский – английского, нижнефранкский – голландского; древнесаксонский и фризский, в условиях дальнейшего исторического развития, не обособились в самостоятельные национальные языки и остались на положении диалектов.

Развитие немецкого вокализма в древний период, с одной стороны, характеризуется тем, что продолжается действие некоторых общегерманских тенденций. С другой стороны, появляется ряд новых своеобразных черт, специфических именно для немецкого языка [2, с. 25].

Наиболее существенные изменения в древнегерманском претерпевают общегерманское \bar{e} и общегерманское \bar{o} , подвергшиеся дифтонгизации. \bar{e} (герм. \bar{e}) еще встречается в памятниках VIII в., однако вскоре с ним начинает конкурировать первоначальная дифтонгированная форма *ea*, которая в первой половине IX в. развивается в *ia*, а затем в *ie*. Во второй половине IX в. побеждает эта последняя окончательная форма дифтонга. Развитие герм. \bar{e} в дифтонг *ie* указывает на то, что этот звук, по-видимому, был довольно закрытым, хотя происхождение и характер его до сих пор остаются невыясненными [2, с. 28].

Дифтонгизация \bar{e} наблюдается:

1) в незначительном количестве исконно германских слов, ср. готск. *hêr* – двн. *hearg, hiar, hier* *здесь*; готск. *fêra* – двн. *feara, fiara* *сторона, бок*; двн. *mêta, gaeta, miata, mieta* *вознаграждение, плата, мзда* и т. п.;

2) в форме претерита у некоторых сильных глаголов VII ряда, например: *gâtan* *советовать*, прет, *gêt, reat, riat, riet*; ср. также др.-сакс. *hêt* – двн. *hiaz, hiez* (прет, от *heizzan* *называться, приказывать*) и т. д.;

3) в ранних заимствованиях из латыни, например: лат. *têgula* – двн. *ziagal, ziegel* *черепица*, лат. *brêve* – двн. *brîaf, brîef* *письмо*, лат. *speculum* – двн. *sriagal, Spiegel* *зеркало* и др.

Дифтонгизации, как уже было отмечено, подверглось также герм. \bar{o} , причем окончательной, общей для всех диалектов формой дифтонга явилось *uo*. Например: готск. *brôþar* – двн. *bruoder* *брат*, готск. *fôtus* – двн. *fuoz* *нога*, готск. *sôkjan* – двн. *suohhen* *искать* и т. п. Эта форма закрепляется во всех диалектах около 900 г., в то время как в VIII и IX вв. наличествуют многочисленные колебания, свидетельствующие о том, что на протяжении VIII и IX вв. процесс дифтонгизации еще не был закончен. В памятниках этого периода мы встречаем рядом с \bar{o} также *oa, ua, uo*. Хронология протекания данного фонетического процесса в разных диалектах различна, что может быть использовано при локализации отдельных памятников. В алеманском диалекте дифтонгизация \bar{o} начинается после 760 г., причем древнейшей формой дифтонга было *oa*, которое в VIII в. перемежается с \bar{o} . Крайне редко встречались также формы *ua* и *uo*. В конце VIII в. учащается употребление *ua*. На протяжении IX в. *ua* является господствующей формой дифтонга в алеманском диалекте и отличает его от всех других [2, с. 28-29].

Дольше всего сохраняется \bar{o} в баварском диалекте, где оно представляет обычное явление даже в памятниках IX в. Однако наряду с ним существует и дифтонг *uo*, который становится все более и более

употребительным и около 900 г. вытесняет *ô* окончательно. Часто встречающееся *ô* в памятниках IX и. представляет, таким образом, признак баварского диалекта.

Во франкских диалектах дифтонгизация начинается с середины VIII в. Во второй половине VIII в. *uo* явно преобладает над *ô*, которое тем не менее сохраняется вплоть до конца VIII в. Единственной широко употребительной формой дифтонга с самого начала была форма *uo*, которая уже в IX в. полностью вытесняет *ô* почти на 100 лет раньше, чем в баварском и алеманском. Интересно, однако, отметить, что в самой южной части территории, занимаемой франкскими диалектами, в южно-рейнско-франкском (непосредственно граничащем с алеманским), в IX в. господствует *ua* (вместо *uo*). Употребительная во всех диалектах с 900 г. форма *uo* сохраняется без существенных изменений до средневерхнемецкого периода [2, с. 29].

Дифтонгизация закрытых долгих гласных среднего подъема, являющаяся своеобразным продолжением общегерманской тенденции к увеличению энергии при артикуляции долгих гласных, составляет одну из характерных черт развития древнемецкого вокализма.

Не менее своеобразное отражение общегерманской тенденции развития вокализма представлял в древнемецком и обратный процесс – процесс монофтонгизации старых общегерманских дифтонгов *ai* и *au*, благодаря которому была заполнена брешь, возникшая в ряду долгих гласных в результате дифтонгизации [2, с. 29–30].

Монофтонгизация данных дифтонгов обуславливалась их положением в слове. Так, стяжение общегерманского *ai* в *ê* в древнемецком происходило перед *r*, *w* или перед *h*, соответствующим общегерманскому *h*. Ср., например: готск. *aiz* – двн. *êr ruda* (совр. *Erz*); готск. *sahws* – двн. *sêo more*, род. пад. *sêwes* (совр. *See*); готск. *aihts* – двн. *êht имуществво* и мн. др.

Стяжение *ai* в древнемецком начинается в VII в., т. е. до времени появления дошедших до нас памятников, и заканчивается в первой половине VIII в. Результатом монофтонгизации был первоначально долгий открытый звук *e*, изображавшийся графически чаще всего через *ae*. Однако в IX в. для написания данного звука применяется уже значок *ê*. Показательно, что подобное написание закрепляется после дифтонгизации германского закрытого *ê*. Очевидно, к этому времени *ê* долгое, полученное в результате монофтонгизации герм. *ai*, стало закрытым и заняло место *ê*, подвергнувшегося дифтонгизации.

Стяжение дифтонга *ai* в *ê* наступило также в безударных слогах и окончаниях, ср., например, готск. *habaida* и двн. *habêta*, готск. *blindaim* и двн. *blintêim*.

Во всех остальных (кроме перечисленных выше) случаях германское *ai* сохранялось в качестве дифтонга. Этот дифтонг в южнонемецких памятниках VIII в. выступает еще как *ai*, однако уже в конце VIII в. испытывает сужение и переходит повсюду в *ei*, которое с этого времени становится единственной общенемецкой формой дифтонга, например: готск. *dails*, двн. *teil часть*; готск. *hlaifs*, двн. *leib хлеб, каравай* (совр. *Laib*); готск. *stains*, двн. *stein камень* и т. п. [2, с. 30].

Сужение дифтонга *ai* в *ei* объяснялось ассимиляцией первой части дифтонга второй.

Наряду с *ai* монофтонгизации подвергся также германский дифтонг- *au*, который в древнемецком превратился в *ô* в позиции перед германским *h* и перед всеми зубными (*d, t, z, s, n, r, l*), ср., например, готск. *hauhs* – двн. *hôh высокий*, готск. *daufus* – двн. *tôd смерть*, готск. *stautan* – двн. *stôzan толкать*, готск. *laus* – двн. *lôs лишенный*, готск. *laun* – двн. *lôn награда*, готск. *auso* – двн. *ôra ухо*, лат. *caulis* – двн. *kôl капуста* и т. п.

Процесс стяжения *au* в *ô* относится к VIII в. Стяжение обуславливалось ассимиляцией второго компонента дифтонга (*u*) первому (*a*), причем промежуточной формой между *aa* и *ô* было *ao*.

Полученное в результате монофтонгизации *ô* имело первоначально открытый характер. Лишь впоследствии, после дифтонгизации старого закрытого *ô* в *uo*, *ô* долгое, полученное в результате монофтонгизации, стало закрытым и заняло место старого *ô* (IX в.).

Процессом монофтонгизации было захвачено также *ao*, возникшее в абсолютном исходе из *aw*. так, *frao*, *straao* превращаются в *frô веселый*, *strô солома* и т. п.

Германское *au* сохраняется в древнемецком в качестве дифтонга во всех прочих случаях (т. е. перед всеми губными, перед гуттуральными, за исключением герм. *h*, и в конце слова). В более ранних письменных памятниках дифтонг выступает как *au*, но в IX в. *au* переходит *ou* и *ou* становится общенемецкой формой дифтонга, ср., например: готск. *haubîr* – двн. *houbit голова, глава*, готск. *galaubjan* – двн. *gilouben верить*, готск. *augo* – двн. *ouga глаз*, готск. *hlaupan* – двн. *loufan бежать*.

Сужение *au* в *ou* было вызвано теми же причинами, что и сужение *ai* в *ei*, т. е. покоилось на ассимиляции первой части дифтонга второй.

Что касается германского дифтонга *eu*, то в древнемецком он расщепляется на два чередующихся дифтонга: *eo*, *io* и *ia*, причем это чередование обуславливалось теми же причинами, что и позиционные чередования *e:i*, *u:o*. Германский дифтонг *eu* давал в древнемецком *eo*, если в последующем слоге выступали гласные *a, e, o*. Несколько позднее *eo* превратилось в *io*, которое и стало общей для всех древнемецких диалектов формой. Однако необходимо отметить, что в баварском и алеманском диалектах переход германского *eu* в *eo*, *io* происходил лишь в тех случаях, если за дифтонгом следовали зубные согласные или германское *h* [2, с. 31].

Германское *eu* давало в древнемецком *iu*, если в следующем слоге имелись *i, j* или *u*.

Ср., например, чередование *eo*, *io* и *iu* в грамматических формах одного и того же слова и в словах, образованных от одного и того же корня: инф. *beotan*, *biotan предлагать* – ед. ч. наст. вр. изъявительного

накл. *biutu, biutis, biutit*; *deota народ* – *diutisk народный* впоследствии – *немецкий*, совр. *deutsch*; *liocht свет* – *liunten светить, сиять*; *tiof глубокий* – *tiufi глубина* и т. п.

Дифтонг *eo* в данной своей форме выступает в более ранних источниках. В первой половине IX в. совершается его переход в *io*. С конца X в. *io* переходит в *ie* и совпадает, таким образом, с *ie*, возникшим из германского \bar{e} .

Дифтонг *iu* удерживается до средневерхненемецкого периода. Однако в конце древнего периода происходит монофтонгизация этого дифтонга в [y:]. Монофтонгизация, по-видимому, была налицо уже около X в., о чем свидетельствует тот факт, что встречающийся, начиная с X–XI вв., умлаут \ddot{u} изображается через *iu* [2, с. 32].

С течением времени в языке могут появляться новые фонемы, исчезать некоторые старые фонемы и т. п. Так, например, если сравнить систему гласных немецкого языка в VIII – IX вв. и в XII в., то можно будет легко обнаружить, что к этому времени в немецком языке появился целый ряд новых гласных фонем, отсутствовавших в нем ранее.

В средневерхненемецкий период в системе гласных немецкого языка имелись следующие фонемы: 1) краткие: *a, e, i, o, u, ö, ü*; 2) долгие: $\hat{a}, \hat{e}, \hat{i}, \hat{o}, \hat{u}, \hat{æ}, \hat{æ}, iu$; 3) дифтонги: *ei, oi, öu, ie, uo, iie*.

Новыми, сравнительно с древневерхненемецким периодом, являются фонемы $\hat{o}, \hat{u}, \hat{æ}, \hat{æ}, iu$, а также дифтонги *öu, iie*. Все они возникли в результате характерного для немецкого языка фонетического явления – палатальной перегласовки, или умлаута [2, с. 161].

Древневерхненемецкий дифтонг *iu* в средний период подвергся монофтонгизации в [y:], и совпал по качеству с гласной фонемой, возникшей вследствие умлаута \ddot{u} . Поэтому графическое обозначение *iu* применяется в средний период для обозначения последнего звука [2, с. 164].

Сравнительно рано в ряде диалектов началась дифтонгизация долгих гласных \hat{i}, \hat{u}, iu , широко распространившаяся в новый период и закрепившаяся в национальном немецком языке.

Раньше всего долгие гласные \hat{i}, \hat{u}, iu развились в дифтонги *ei, oi, öu* в баварском диалекте. Так, например, уже в XII в. в памятниках этого диалекта (Каринтийские грамоты) встречаются отдельные примеры дифтонгизации \hat{i} в *ei*, однако до 70-х г. XIII в. \hat{i} преобладает. В конце XIII в. окончательно побеждает дифтонг *ei*. Некоторые баварские поэты этого времени рифмуют развившийся из \hat{i} дифтонг *ei* с сочетанием гласных *ei*, возникшим благодаря контракции *-egi-* (см. ниже), а также с *ei*, имевшимся в некоторых словах, заимствованных из французского, ср., например, рифмы *zît время: geleit положенный* (<двн. *gilegit*); *kurteis куртуазный: rîs награда*,

Позднее графическое обозначение *ei* начинает широко использоваться для написания нового дифтонга.

Следует отметить, что одновременно с дифтонгизацией долгого \hat{i} произошло расширение старого, имевшегося уже в древний период, дифтонга *ei* в *ai*, совпавшего, таким образом, с результатом баварской контракции *-age-* (>*ai*). Буквенное сочетание *ai* и было использовано для графического обозначения расширившегося старого дифтонга, чтобы зафиксировать его качественное отличие от нового *ei*, развившегося из древневерхненемецкого \hat{i} .

Отдельные следы дифтонгизации долгого \hat{u} в баварском диалекте стали заметны, начиная с середины XII в. В это время вместо *u* появляется написание o^\checkmark (например: *ho's дом*, совр. *Haus*, *bro't невеста*, совр. *Braut* и т. п.), позднее встречается также написание u° . В XIII в. можно уже ясно наблюдать дифтонгизацию, в особенности перед губными. Баварские поэты рифмуют \hat{u} в этой позиции со старым дифтонгом *ou* (например: *saute <southe кайма: kouthe <kîthe едва*). Но в других позициях дифтонг, развившийся из \hat{u} , не совпал по качеству с имевшимся уже в древний период дифтонгом *ou*, поскольку последний вскоре после этого расширился в *au*. Написание *au* встречается в «Кариптийских грамотах» с середины XIII в. [2, с. 166].

Дифтонгизация *iu* [y:] в *öu* в баварском диалекте также наблюдается с конца XII в., поскольку возникший таким образом дифтонг начинает изображаться на письме как o^\checkmark (наряду с написанием *iu, u*), в то время как подвергшийся в средний период монофтонгизации старый дифтонг *iu* сохраняет свое написание, ср., например: *bro'te невеста*, совр. *Bräute*; *lo'htet сияет*, совр. *leuchtet* и т. п. В XIII в. в качестве графического изображения нового дифтонга выступают *eu, æu, öu*; вместо же старых *eu, öu* нередко пишется *iu*. Дифтонгизировалось также и *iu* [y:], полученное по умлауту, однако оно трактуется по большей части отдельно от *iu*, соответствующего старому дифтонгу.

С начала XIV в. дифтонгизация распространяется в Богемии, а в ранненововерхненемецкий период охватывает и все прочие диалекты немецкого языка. Долгие гласные \hat{i}, \hat{u}, iu остались не затронутыми дифтонгизацией в швейцарских, эльзасских, западноноррипгских, восточногессенских и рипуарских говорах [2, с. 166].

В средневерхненемецких диалектах довольно рано осуществилась монофтонгизация старых дифтонгов *ie, uo, iie* в долгие гласные $\hat{i}, \hat{u}, \hat{u}$, характерные для фонетической системы национального немецкого языка [2, с. 165–167].

Процесс монофтонгизации дифтонгов *uo* и *iie* прослеживается уже в XI в., *ie* – в XII в., ср., например, такие рифмы у средне-немецких поэтов, как *diet народ: zît время; schiere быстро: vîre четыре; ruof зов: ûf вверх; fruо рано: nû теперь; leute люди: hüete стражи* и т. п.

Однако возникшие благодаря стяжению монофтонги, по-видимому, отличались по своему качеству от старых долгих \hat{i}, \hat{u}, iu , о чем говорит тот факт, что они не подверглись вместе с ними нововерхненемецкой дифтонгизации.

В нововерхненемецкий период в системе вокализма происходит целый ряд фонетических изменений.

Нововерхненемецкая дифтонгизация коснулась долгих гласных звуков свн. *î, û, iu* [y:], которые в нововерхненемецкий период дали: *î > ei* [ae]; *û > au* [ao]; *iu > eu* [oø].

Данное фонетическое явление засвидетельствовано первоначально уже в конце XII в. в южной части Германии (Бавария и Австрия). Интересно, однако, что до XIV в. наряду с новыми орфографическими знаками употребляются еще и старые *î, û, iu*. Подобные факты свидетельствуют о том, что данное явление не было еще достаточно последовательным. Постепенно дифтонгизация охватывает все части, все области Германии. Окончательно дифтонги закрепляются в письменности к концу XV в.

Причины возникновения данного фонетического явления полностью не выяснены. Наиболее исчерпывающим представляется объяснение В. Вильманнса, данное в его «Грамматике немецкого языка» [2, с. 222].

Вильманнс считает, что находившимся под сильным ударением долгим гласным, очень напряженным по своей артикуляции, предшествовал – как переходная ступень к ним – некий звук с артикуляцией, приближающейся к спокойному положению органов речи, в результате чего образовались примерно сочетания *ei, oi, öi*, в которых главное ударение лежало первоначально на второй части. Однако постепенно этот переходный звук окреп и перетянул на себя ударение, благодаря чему возникли дифтонги *ei, oi, öi*. Позже они превратились в дифтонги [ae], [ao], [oø] [2, с. 222-223].

Дифтонгизация гласных фонем *i, u, iu* привела к их исчезновению из фонетической системы. Однако образовавшаяся брешь была тотчас же заполнена долгими фонемами *i, u, ü*, возникшими благодаря стяжению дифтонгов *ie, io, iie*.

Фонетические явления монофтонгизации возникают в средней Германии и распространяются отсюда на другие области.

В заключении можно сделать следующие выводы.

1. На протяжении древневерхненемецкого периода происходит постепенная редукция неударных гласных. Общегерманское *ē* и *ō*, подверглись дифтонгизации. *ê* (герм. *ē*) еще встречается в памятниках VIII в., однако вскоре с ним начинает конкурировать первоначальная дифтонгированная форма *ea*, которая в первой половине IX в. развивается в *ia*, а затем в *ie*.

2. К началу средневерхненемецкого периода все безударные гласные редуцированы в *-e* (Murmellaut). В средневерхненемецкий период в системе гласных немецкого языка появляются новые дифтонги *öi, iie*. В ряде диалектов началась дифтонгизация долгих гласных *î, û, iu*.

3. В нововерхненемецкий период в системе вокализма происходит целый ряд фонетических изменений. Нововерхненемецкая дифтонгизация коснулась долгих гласных звуков свн. *î, û, iu* [y:], которые в нововерхненемецкий период дали: *î > ei* [ae]; *û > au* [ao]; *iu > eu* [oø]. Однако данное явление не было еще достаточно последовательным. Окончательно дифтонги закрепляются в письменности к концу XV в.

Источники и литература

1. Жирмунский В.М. История немецкого языка. – М., 1948. – 299 с.
2. Филичева Н.И. История немецкого языка. Курс лекций. Из-во московского института., 1959. – 279 с.
3. Жирмунский В.М. Немецкая диалектология. – М.-Л., 1956. – 635с.
4. Домашнев А. И. Современный немецкий язык в его национальных вариантах. – Л., 1983.
5. Гухман М. М. От языка немецкой народности к немецкому национальному языку, ч. 1-2, - М.-Л., 1955–59.
6. Die deutsche Sprache. Kleine Enzyklopädie, Bd 1-2/ –Lpz., 1969–70.
7. Л.Р. Зиндер, Т.В. Строева. Историческая фонетика немецкого языка. – Л., 1986. – 263с.

Сирица Е.А.

НЕКОТОРЫЕ ФОНОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧИ ДИКТОРОВ БРИТАНСКОГО ТЕЛЕКАНАЛА «DISCOVERY» (на материале программ «Discovery Channel»)

Целью данной статьи является изучение речи дикторов британского телеканала «Discovery» и выявление характерных для речи дикторов фоностилистических особенностей.

Актуальность данной статьи обусловлена интересом лингвистов к социалингвистическому аспекту исследования речи, вопросами стратификации фоностилей с учётом социальных факторов.

В задачи исследования входили:

- 1) сбор и анализ теоретического материала по исследуемой проблематике;
- 2) выявление характерных особенностей речи дикторов телевизионных программ;
- 3) учёт действия внеязыковых факторов на особенности организации речи дикторов телевидения.

Социалингвистика как наука, изучающая влияние социальных явлений на функционирование языка в обществе, значительно расширила предмет своего исследования, обогатившись новой информацией о факторах социальной вариативности языка.

Главным аспектом социальной дифференциации языка является отношение социальной структуры